

НИКОЛАС ГУДРИК-КЛАРК

**ОККУЛЬТНЫЕ
КОРНИ НАЦИЗМА**

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2023

УДК 94(430):133
ББК 63.3(4Гем)+86.42
Г93

Гудрик-Кларк, Николас.

Г93 Оккультные корни нацизма : [перевод с английского-го] / Николас Гудрик-Кларк. — Москва : Яуза-пресс, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-9955-1168-7

Известный английский ученый Николас Гудрик-Кларк (1953–2012) был одним из лучших специалистов по эзотерике. В 1985 г. он опубликовал свою главную книгу «Оккультные корни нацизма», ставшую мировым бестселлером. В этой работе Гудрик-Кларк впервые с научной точки зрения доказал влияние различных германо-арийских идей и обществ на руководство и идеологию нацистов.

Пангерманизм, вотанизм, арманизм и ариософия были очень популярны среди немецких националистов, но и нацисты черпали вдохновение в этих идеях и принимали их на вооружение. Гвидо фон Лист, Йорг Ланц фон Либенфельс, Рудольф фон Зеботтендорф и Карл Мария Виллигут повлияли на мировоззрение вождей Третьего рейха.

Автор рассказывает, как общества «Туле» и «Эдда», орден новых тамплиеров и другие, более мелкие оккультные организации оказались связаны с нацистской партией и почему христианство при Гитлере было в тени оккультизма.

УДК 94(430):133
ББК 63.3(4Гем)+86.42

ISBN 978-5-9955-1168-7

© Лосев П., перевод, 2023
© ООО «Яуза-пресс», 2023

Часть первая
ПРЕДПОСЫЛКИ

Глава 1

ОБРАЗ ПАНГЕРМАНИЗМА

Австрийское государство, в котором Лист и Ланц достигли зрелости и впервые сформулировали свои идеи, было результатом трех крупных политических перемен, произошедших в конце 1860-х гг. Эти изменения состояли в выходе Австрии из Германской конфедерации, административном отделении Венгрии от Австрии и установлении конституционной монархии в «Австрийской», или западной, части империи. Конституционные метаморфозы 1867 г. положили конец абсолютизму и ввели представительное правление, удовлетворив требования классических либералов; император с этого момента разделил свою власть с двухпалатным парламентом, в выборах которого из-за ограниченного права голоса (существовало 4 разряда голосующих) участвовало примерно 6% населения. Демократическому крылу либерализма, требовавшему свободы мысли и ставившему под сомнение действующие институты, противостояла его ранняя олигархическая форма. В результате этой борьбы произошло резкое падение парламентского веса партий традиционного либерализма и подъем партий, представлявших радикальную демократию и национализм, эта тенденция была подтверждена введением в 1896 г. пятого избирательного разряда. Развитие в этом направлении определенно благоприятствовало появлению пангерманизма как крайней парламентской силы.

Другие политические сдвиги в Австрии касались ее территориального и этнического состава. Отделенные одно-

временно от Германии и Венгрии, земли австрийской части империи образовали территорию в виде полумесяца, простирающуюся от Далматин на Адриатическом побережье через наследственные земли Габсбургов — Корниолу, Каринтию, Штирию, Австрию, Богемию, Моравию — до восточных провинций Галиции и Буковины. Географическая нелепость этой территории соединялась с тем фактом, что в ее пределах жили десять различных национальностей. Национальность в Австрии определялась преимущественно языком, на котором говорили люди. Большинство немцев — около 10 млн в 1910 г. — жили в западных провинциях государства и составляли около 35% от 28 млн жителей. Кроме немцев в Австрии проживали 6,4 млн чехов (23% всего населения), 5 млн поляков (18%), 3,5 млн украинцев (13%), 1,2 млн славян (5%), 780 тыс. сербохорватов (3%), 770 тыс. итальянцев (3%) и 275 тыс. румын (1%). Структура национальностей в провинциях государства указывает на драматическую сложность этнических взаимоотношений: преобладание различных народов от одной провинции к другой меняется; если в некоторых провинциях немцы составляют отчетливое большинство, то в других они противостоят преобладанию другой нации, а в третьих — просто являются народом среди народов.

После прусско-австрийской войны 1866 г. австрийские немцы вышли из Немецкой конфедерации и были вынуждены существовать как одна из многих национальностей империи Габсбургов. В условиях нарастающей демократизации некоторые австрийские немцы начали опасаться, что первенство немецкого языка и культуры в империи, законы, действующие с конца XVIII в., будут поставлены под сомнение другими национальностями государства. Этот конфликт между немецкой национальностью и австрийским гражданством часто обострялся беспокойством относительно славянского или латинского распространения, ведущего к появлению двух практически связанных форм национализма, отличных от немецкого. Народно-

культурный национализм, связанный с пробуждением национального самосознания среди немцев, особенно в крупных центрах и тех провинциях, где смешались разные народы, выразился в создании образовательных Лиг и Лиг защиты (ферейнов), цель которых состояла в сохранении немецкой культуры и укреплении немецкой идентичности. Пангерманизм был более политичен, он больше приспособлялся к меняющимся условиям, чем защищал немецкие интересы. Он возник как символ веры маленького немецкого сообщества в Австрии, отказавшегося признать неизменным отделение ее от остальной Германии в 1866 г. и намеренного восполнить этот разрыв немецкого единства единственным способом, возможным после победы Бисмарка над Францией в 1870 г.: присоединением (Anschluss) того, что они называли Германо-Австрией — тех провинций, которые входили в Немецкую конфедерацию с 1815 по 1866 г., — к бисмарковскому рейху, даже если бы этот союз означал разрушение монархии Габсбургов. Эта идея превращения Германо-Австрии в провинцию немецкого рейха получила название Kleindeutsch (малого немецкого) национализма в противоположность Grossdeutsch (великому немецкому) единству под началом Вены, концепции, которая потеряла смысл после 1866 г.

В 1885 г. множество народных ферейнов действовали в провинциях и в Вене. Они занимались исследованием и ритуализацией событий и символов немецкой истории, литературы и мифологии; и совмещали такие формы общественной жизни, как хоровое пение, гимнастика, спорт, восхождение на горы с национальными (volkisch) ритуалами. В 1886 г. союз ферейнов (Germanenbund) был основан в Зальцбурге Антоном Лангтаснером. Ферейн, членствующий в Союзе, должен был участвовать в немецких фестивалях, установленных специальным немецким календарем, и, невзирая на классы, переживать чувство общности немецкой нации. Социальной базой движению служили провинциальная интеллигенция и молодежь. Правительство

с осторожностью относилось к такой форме национализма, и действительно Немецкий союз был распущен в 1889 г. и возник вновь уже в 1894 г. как Союз немцев.

В 1900 г. более чем 160 ферейнов принадлежали Союзу, разбросанные в Вене, Нижней Австрии, Штирии, Каринтии, Богемии и Моравии. Известно, что существовало примерно такое же количество незарегистрированных ферейнов; возможно, что от 100 до 150 тысяч человек были серьезно затронуты их пропагандой. Лист сформулировал свои идеи и политическую позицию преимущественно в этой среде. В 1870–1880-х гг. он писал для журналов движения; он посещал ферейн «Немецкий дух» и *Deutscher Jurnverein*, гребной клуб *Donauhort* в Вене и ферейн «Немецкий дом» в Брно; активно участвовал в фестивалях Союза немцев в 1890-х гг. Только через эту жизнь ферейнов в последние десятилетия века можно понять воодушевление и пафос его националистических романов и пьес в доокультурной фазе его творчества, между 1880 и 1900 гг.

Движение пангерманизма возникало и как выражение юношеских идеалов студенческих братств Вены, Граца и Праги 1860-х. Впервые возникшие в 1840-х гг., австрийские братства были построены по образцу немецких студенческих клубов периода *Vormoz* (консервативная эпоха между 1815 г. и буржуазной либеральной революцией марта 1848 г.), которые развивали традицию радикального национализма, романтических ритуалов и тайны, черпая вдохновение из уроков Фридриха Людвиг Яна (1778–1852), народного проповедника атлетизма, немецкой подлинности и национального единства. Некоторые братства, возбужденные проблемой немцев в Австрии после 1866 г., начали защищать *Kleindeutsch* национализм, то есть включение Германо-Австрии в немецкий рейх. Они прославляли Бисмарка, аплодировали прусской армии и кайзеру Вильгельму I, носили голубые фиалки (считалось, что это любимый цветок Бисмарка) и пели «*Die Wacht am Rhein*» на публичных митингах и банкетах. Этот культ пруссофилии

неизбежно вел к торжеству силы и умалению гуманности и справедливости.

Георг фон Шенерер (1842–1921) связал свое имя с этим движением, когда в 1876 г. в Вене объединил в союз братства *Kleindeutsch*. Без его вмешательства пангерманизм, быть может, остался бы только «тенденцией» среди политически наивных студентов, народников и рабочих группировок. Его идеи и темперамент, талант агитатора определили характер и судьбу австрийского пангерманизма, породив тем самым революционное движение, соединившее в себе народнический антикапитализм, антилиберализм, антисемитизм и пруссофилию немецкого национализма. Баллотировавшись впервые на выборах в рейхсрат в 1873 г., Шенерер следовал радикально-демократической линии вместе с другими прогрессивными левыми. Это продолжалось до 1878 г. Затем он начал требовать экономического и политического союза Германо-Австрии с немецким рейхом и с 1883 г. стал печататься в крайне националистической газете («Подлинное немецкое слово»). Сущность пангерманизма Шенерера состояла, впрочем, не в требовании национального единства, политической демократии и социальных реформ (эту программу он разделял с убежденными радикальными националистами парламента), но в его расизме: в убеждении, что кровь — единственный критерий всех гражданских прав.

Движение пангерманизма стало заметной силой в австрийской политике середины 80-х гг., но затем угасло, после осуждения Шенерера в 1888 г. за изнасилование; лишенный всех политических прав на пять лет, он удалился от парламентской деятельности. Но не далее чем в конце 90-х гг. пангерманизм вновь достиг статуса народного движения. Это произошло в результате вызова, брошенного немецким интересам в империи. Многие, кто привык к немецкому господству в культуре, пережили шок, когда в 1895 г. правительство ввело славянские классы в исключительно немецких школах Корниолы. Этот незначительный спор

имел для немецких националистов символический смысл, не соизмеримый с его практическими следствиями. Затем в апреле 1897 г. австрийский премьер граф Казимир Бадени предложил свой закон о языке, в соответствии с которым все служащие Богемии и Моравии должны были говорить на немецком и чешском языках; мера, явно направленная против немцев. Эти события спровоцировали взрыв националистического возмущения в империи. Демократические немецкие партии и пангерманисты, не имея сил заставить правительство отменить закон о языке, блокировали деятельность парламента, и эта практика продолжалась вплоть до 1900 г. Когда последующие премьеры привели закон в исполнение, возмущение хлынуло из парламента на улицы больших городов. Летом 1897 г. кровавые конфликты между бунтующей толпой и полицией, даже армией, чуть не ввергли страну в гражданскую войну. Охраняя общественный порядок, полиция распустила сотни ферейнов. Во всех этих событиях — разрушение парламента, общественные беспорядки, немецкий шовинизм, избирательные кампании пангерманистов 1901 г. — можно усмотреть корни нового воинствующего настроения, свидетелем которому была возникающая ариософия.

Основной темой разнообразных политических протестов была попытка части австрийских немцев сопротивляться славянским претензиям на политическое и национальное самовыражение и вместе с тем стремление сохранить единство распадающейся, пережившей себя многонациональной империи Габсбургов. Отнюдь не все сторонники пангерманизма хотели экономического и политического союза Германо-Австрии с немецким рейхом, как это предполагалось программой Шенерера. Причины, по которым они поддерживали партию, часто сводились к желанию поддержать силами ферейнов немецкие национальные интересы внутри империи. Поскольку в последнем десятилетии, куда ни бросишь взгляд, везде австрийские немцы могли видеть возрастающее влияние славян, что ставило под сомнение

традиционное преимущество немецких культурных и политических интересов: спор о школах, указ Бадени о языке, всеобщее избирательное право (окончательно введенное в 1907 г.) довели до критической точки этот мучительный и неразрешимый вопрос. Австрийские немцы рассматривали эти политические меры как удар по немецкой собственности и ключевым позициям немцев в экономике. Первые статьи Ланца целиком посвящены проблемам универсального избирательного права и немецкого экономического господства (*Besitzstand*). И Лист, и Ланц осудили парламентскую политику и потребовали подчинения всех национальностей в империи немецкому закону. Идеи ариософии были самым тесным образом связаны с этим последним в XIX в. немецко-славянским конфликтом.

Выраженный антикатолицизм ариософии также восходит к влиянию пангерманизма. Несмотря на симпатию к народному язычеству Немецкого союза, Шенерер в 1890 г. начал размышлять о вероисповедной политике, при помощи которой он мог бы вступить в борьбу с католической церковью; эту последнюю он рассматривал как чуждую германизму и опасную политическую силу. Император пользовался советами епископата, приходские священники создали сеть эффективной пропаганды по всей стране, и христианская социальная партия лишилась прежней поддержки среди крестьянского и полугородского населения Нижней Австрии и Вены. Он думал, что обращение движения в протестантство поможет подчеркнуть в сознании немецкого народа связь славянства (после 1897 г. славян ненавидели и боялись миллионы) с католицизмом, династией и австрийским государством. Консервативно-клерикально-славянофильское правительство с 1897 г. действительно сделало вероятной и почти неизбежной неприязнь к католицизму. Многие немцы считали, что католическая иерархия носит антинемецкий характер, и в Богемии уже росло возмущение против чешских священников, которым давали немецкие приходы. С целью

эксплуатации этих чувств в 1898 г. Шенерер открыл свою кампанию по разрыву с Римом (проект *Los von Rom*).

Имея связи с протестантскими сообществами миссионеров в Германии, Шенерер публично объединил движение пангерманизма с новым лютеранским движением, за которым стояло 30 тыс. протестантских обращений в Богемии, Штирии, Каринции и Вене между 1899 и 1910 гг. Союз, однако, остался непрочным: большинству ферейнов движение пришлось не по нраву, другие же пангерманисты осудили кампанию разрыва с Римом как вариант отжившего клерикализма. Что касается самих миссионеров, они весьма сокрушались, что политические оттенки обращения отпугивают многих религиозных людей, ищущих новую форму христианской веры, тогда как те, кто руководится политическими мотивами, вообще не заботятся о религии. Показатель ежегодных обращений стал падать в 1902 г., а в 1910 г. вернулся к цифре, имевшей место до начала движения. Хотя движение касалось этнических границ, его социальная база определялась высококвалифицированным и торговым средним классом. Наибольший успех проекта *Los von Rom* поэтому совпал с успехом партии пангерманизма: проект не усилил пафоса пангерманизма, но и не ослабил католической церкви.

Хотя кампания разрыва с Римом в политическом смысле провалилась, она выдвинула на передний план антикатолические чувства, овладевшие австрийскими немцами в 1900-е гг. Это настроение было существенным элементом ариософии. Лист рассматривал католическую церковь в качестве основного противника в своих реконструкциях мифологического прошлого Германии. Он объединил клерикализм, консерватизм и австрийское правительство с его славянскими интересами, с 1879 г. ставшее злейшим врагом германизма, в Великую интернациональную партию. На эту несуществующую организацию возлагалась ответственность за все политические шаги против германских интересов в Австрии; все действия в этом направлении

рассматривались как заговор католиков. По-видимому, Ланц также был подхвачен волной этих настроений. Он завершил свое цистерцианское послушничество глубокой антикатолической нотой (1899), присоединился к пангерманизму и вскоре обратился в протестантство. Хотя проект *Los von Rom* был целью лишь промежуточного этапа на его пути к собственному расовому культу ариософии, все же он обозначил важность пангерманизма для его идеологического развития.

Жизненно важным элементом для ариософского понимания национальных конфликтов и немецкого духа был расизм. Классическим источником по вопросу о превосходстве нордическо-арийской расы с пессимистическим предсказанием подчинения ее неарийскими народами служили размышления Артюра де Гобино. И хотя его творчество не вызвало немедленного отклика, идеи его отозвались длительным эхом, множество пропагандистов иначе интерпретировали его выводы — в пользу грядущего торжества германизма. Когда социал-дарвинисты заговорили о неизбежности биологической борьбы в человеческом мире, то подразумевалось, что арийцы (или истинные немцы) не подвергнутся разрушительным влияниям этой войны, что они смогут противостоять угрозе распада и смешения, утверждая свою расовую неприкосновенность и чистоту. Необходимость войны рас и евгенической реформы нашла широкий отклик в Германии на исходе века: основные работы Эрнста Краузе, Отто Аммона, Людвига Вильзера, Людвига Вольтмана — все социал-дарвинисты — были опубликованы между 1890 и 1910 гг.

Выдающийся зоолог Эрнст Геккель, неоднократно предупреждавший об угрозе смешения рас, с целью популяризации расистской версии социал-дарвинизма среди немцев основал Монистическую лигу в 1906 г. Эти научные воплощения расизма, в формулах физической антропологии и зоологии, придали силу и без того предвзятым мнениям народных националистов в Германии и Австрии.

Лист заимствовал опорные расистские понятия из практики движения. Ланц сотрудничал со «Свободным словом», полуофициальным журналом Монистической лиги и с «Политико-антропологическим обзором» Вольтмана. Таким образом, огромная важность арийского расизма в ариософии, несмотря на ее язык оккультных формул, может быть связана и с расистскими интерпретациями социал-дарвинизма в Германии.

Если некоторые аспекты ариософии связаны с проблемами немецкого национализма в империи Габсбургов конца XIX столетия, то другие ее стороны имеют причиной особенности венской жизни. В отличие от этнически разнородных провинций Вена была традиционно немецким городом, коммерческим и культурным центром австрийского государства. Однако в 1900 г. стремительная урбанизация ее окраин в соединении с притоком людей других национальностей сильно изменила ее облик, а в некоторых центральных районах — и этнический состав. Старые фотографии красноречиво свидетельствуют о переменах венской жизни в конце XIX в. В 50-е гг. старый звездообразный вал принца Евгения был разрушен, чтобы дать место для новой Рингштрассе с ее великолепными новыми дворцами и общественными зданиями. Если сравнить облик Вены до и после произошедших метаморфоз, легко заметить утрату интимной, эстетической атмосферы королевской резиденции среди великолепных парков; ее сменил жесткий, монументальный стиль метрополии. Может быть, реагируя на новую Вену, Лист отвергал городскую культуру и прославлял средневековую сельскую идиллию.

Между 1860 и 1900 гг. население города возросло почти втрое, породив в результате серьезный жилищный кризис. В 1900 г. не менее чем 43% населения занимали помещения из двух комнат и менее, широко распространились бродяжничество и нищета. Одновременно с перенаселением и возникновением трущоб произошло крупное переселение евреев из Галиции. В 1857 г. только 6 тыс. евреев оста-

лись в столице, а в 1910 г. эта цифра возросла до 175 тыс., что составляло более чем 8% всего населения города: на отдельные районы приходилось до 20% временных жителей. Восточные евреи носили традиционный костюм и вели жизнь мелких торговцев или разносчиков. Немцы, озабоченные духом народа, определенно могли рассматривать это новое вмешательство как серьезную угрозу этническому характеру столицы. В качестве примера такой реакции можно вспомнить описание Гитлером своей первой встречи с евреями во внутреннем городе. Озабоченность ариософов растущим преобладанием негерманских национальностей в Австрии наряду с такими местными переменами могла бы завершить предварительное обследование проблемы.

Остается выяснить, каким образом ариософия впитала оккультные идеи популярной в Вене теософии. Хотя Теософское общество возникло там в 1886 г., немецкий перевод основного текста движения, «Тайной доктрины», был опубликован только в 1901 г. В 1900-х гг. можно было наблюдать целую серию немецких теософских публикаций. Но ариософские тексты (с 1907 г.) явно были связаны с европейской модой на теософию, в связи с чем нелегко было приписать специфически австрийское качество народническо-теософскому феномену. Мистические и религиозные спекуляции смешались также с псевдонаучными формами (социал-дарвинизм, монизм) народнической идеологии в Германии. Существенно и то, что многие ариософские авторы и сторонники общества Листа жили за пределами Австрии. Таким образом, хотя народнический расизм, антикатолицизм и ненависть к современности ариософии связываются со специфическими австрийскими факторами, вовлечение в ее орбиту теософии указывает на более общий феномен. Не только венские ферейны, но и маленькие кружки нашли в новой доктрине «свежее» доказательство для собственных теорий арийско-германского превосходства. Особенная уместность теософии для

оправдания элитаризма и расизма еще будет обсуждаться в дальнейшем.

Сформулируем выводы: рождение ариософии в Вене связано с проблемами современности и национализма в империи Габсбургов начала века. Внешне все еще блистательная и преуспевающая, Вена была обращена в прошлое. Под давлением времени эта «старая, космополитическая, феодальная, крестьянская Европа» — все еще пульсирующая на землях империи — мягко и незаметно исчезала. Некоторые буржуа, особенно мелкие, остро ощущали угрозу прогресса, безумного роста городов и экономической концентрации. Эти тревоги усугублялись растущей враждебностью среди народов империи, разрушавшей и без того хрупкое равновесие многонационального государства. Подобные страхи стимулировали возникновение оборонительных идеологий, которые их сторонники предлагали как панацеи для мира под угрозой. То, что многие искали безопасности и стабильности в доктринах немецкой идентичности, было, в общем, нормальной реакцией на жизнь в сердце империи, этом тигеле народов. Описывая свои чувства к людям негерманского происхождения в современной ему Вене, Гитлер говорил: «Я нахожу смешение рас в имперской столице отвратительным. Этот базар чехов, поляков, венгров, украинцев, сербов и хорватов невыносим. Город кажется воплощением расовой нечистоплотности».

Кажется трагическим парадоксом, что насыщенное многоцветье народов Габсбургской империи, законность династической власти, одинаково расположенной ко всем, смогли породить расовую доктрину геноцида в наш век национализма и социальных метаморфоз.

Глава 2

ОККУЛЬТНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ГЕРМАНИИ (1880–1910)

Оккультизм берет начало в религиозном типе мышления, корни которого уходят в античность и которое обычно характеризуется как западная эзотерическая традиция. Ее необходимые составляющие — гностицизм, герметические трактаты по алхимии и магии, неоплатонизм и каббала — возникли на востоке Средиземноморья в первые пять веков нашей эры. Собственно гностицизм связан с верованиями некоторых еретических сект в эпоху раннего христианства, они требовали обладания гнозисом, или специальным эзотерическим знанием о духовных предметах. Хотя отдельные доктрины во многих аспектах отличались друг от друга, существовали две общие гностические темы: во-первых, восточный (персидский) дуализм, в соответствии с которым два мира Добра и Зла, Света и Тьмы, порядка и хаоса рассматриваются как независимые враждующие силы; и, во-вторых, убеждение в том, что материальный мир подвержен злу, так что человек может спастись, только достигая знания о высших сферах. Гностические секты исчезли в IV в., но их идеи воодушевили дуалистическую манихейскую религию (II в.) и герметическое движение. Греческие тексты были собраны в Египте между III и V вв., здесь был завершён синтез гностических идей, неоплатонизма и каббалистической теософии. Поскольку эти мистические доктрины возникали на подвижной социальной и культурной почве, очевидна связь между разрастанием сект и распадом стабильного сельскохозяйственного порядка поздней Римской империи.

В XV в. новые научные открытия и географические удачи уничтожили условия средневекового мира, гностицистские и герметические идеи пережили краткое возрождение. Выдающиеся гуманисты и ученые маги в период Ренессанса опубликовали старые классические тексты и тем самым заново создали корпус оккультных наук. Но после триумфа эмпиризма в научной революции XVII столетия подобные идеи сохранились лишь среди немногих любителей древности и мистиков. В XVIII в. эти неканонические религиозные и философские теории были определены как «оккультные», поскольку располагались на крайней периферии общепринятых форм знания. Впрочем, реакция на рационалистическое Просвещение приняла форму живого романтического интереса к Средним векам, стремления к тайне и способствовала оживлению оккультизма в Европе около 1770 г.

Германия гордилась своими известными учеными магами времен Ренессанса, а также сетью розенкрейцерских общин; теософия и алхимия процветали здесь между XVII и XIX вв. Однако позыв к неоромантическому оккультному возрождению возник не в Германии. Его скорее следует связать с реакцией на засилье материалистических, рационалистических и позитивистских идей в практических и промышленных культурах Америки и Англии. Немецкое оккультное возрождение многим обязано популярности теософии в англо-саксонском мире в 1880-е гг. Здесь она имела выход на международное движение тайных обществ, связанное с именем Елены Петровны Блаватской (1831–1891), русской искательницы приключений и оккультистки. Ее удивительная, полная событий и путешествий (1850–1860) жизнь, ее способности к ясновидению и страсть к сверхъестественным феноменам, интерес к американскому спиритизму в 1870-е гг. повлекли за собой основание в Нью-Йорке в 1875 г. Теософского общества, с последующим перенесением его деятельности в Индию между 1879 и 1885 гг.; все эти события подробно описаны

несколькими биографами. В основных моментах теософия как доктрина сформировалась здесь и в таком виде проникала в Центральную Европу.

Первая книга мадам Блаватской, «Разоблаченная Изида» (1877), мало напоминала очерк новой религии, но представляла собой бессвязные страстные тирады против рационализма и материализма современной западной цивилизации. Ее обращение к традиционным эзотерическим источникам имело целью дискредитацию современных верований и делало очевидным преимущество древних религиозных истин перед мощной современной наукой и агностицизмом. В этом предприятии она руководствовалась также множеством вторичных источников, посвященных языческой мифологии, тайным религиям, гностицизму, герметизму, заповедным знаниям ренессансных ученых, розенкрейцеров и прочих тайных братств. В.Е. Коулмэн указывал на то, что ее работы часто являются компиляцией сотен современных текстов, посвященных древним и экзотическим религиям, демонологии, франкмасонству и явлениям спиритизма. Но за всем этим многообразием традиций мадам Блаватская различала уникальный источник вдохновения: тайные знания Древнего Египта. Ее очарованность Египтом, убеждение в том, что именно там содержится ключ ко всякой мудрости, возникли благодаря ее увлечению английским автором — сэром Эдвардом Бульвер-Литтоном. Его роман «Последние дни Помпеи» (1834) был задуман как повествование о культуре Изида в Риме первого века нашей эры. Более поздние работы, «Занони» (1842), «Странная история» (1862), «Грядущая раса» (1871), также были посвящены оккультным знаниям, эзотерическим обрядам, тайным братствам; все это производило неотразимое впечатление на романтическую душу XIX века. Ирония ситуации в том и состоит, что ранняя теософия воодушевлена главным образом английской литературой, отчасти художественной, отчасти популярной, и факт этот с очевидностью доказан сравнительными исследованиями Лильегрена.

Только после того как в 1879 г. мадам Блаватская и ее последователи отправились в Индию, теософия приобрела более систематическую форму. В новой штаб-квартире Теософского общества в Мадрасе она написала «Тайную доктрину» (1888). Эта работа подтвердила ее склонность к компиляциям, но на этот раз в качестве источников ею были использованы современные труды по индуизму и последние достижения науки. Ее новая книга выглядела как комментарий к сакральному тексту под названием «Строфы Дзиан», который автор имела случай видеть в подземном гималайском монастыре. Этот новый интерес к Индии свидетельствует о ее высокой восприимчивости к переменам в научном мире: только что Франц Бопп и Макс Мюллер подчеркнули огромное значение санскрита в качестве основы для сравнительного изучения так называемых арийских языков. Источник мудрости сместился от Египта на Восток. Позднее концепция теософии обнаружит еще большее сходство с принципами индуизма.

В «Тайной доктрине» содержалось описание Божественной деятельности от начала периода сотворения мира до его конца, процесс этот был признан циклическим, повторяющимся через неопределенные промежутки времени снова и снова. Это история о том, как возник настоящий мир, откуда, какие силы образовали его и придали форму, куда он идет и что все это значит. Первый том («Космогенез») охватывал собой общий план, в соответствии с которым первоначальное единство неявленного божества дифференцирует себя в многообразии сознательно развивающихся существ, которые постепенно наполняют мир. Божество обнаруживает себя впервые через эманацию и три следующих друг за другом формы Разума: три космические фазы создают время, пространство и материю, и они символизируются в серии священных знаков индуизма.

Все последующие творения происходят в строгом подчинении божественному плану, проходя через семь кругов, или эволюционных циклов. В первом круге мир определя-

ется властью огня, во втором — воздуха, в третьем — воды, в четвертом — земли, и в прочих — эфиром. Этот порядок отражает постепенное отпадение мира от божественной милости в первых четырех кругах и его искупление в следующих трех; это должно произойти прежде, чем все вернется к точке первоначального единства, для того чтобы начать новый большой круг. Мадам Блаватская иллюстрирует стадии космического цикла разнообразными эзотерическими символами, включая треугольники, трискелионы и свастики. Этот последний восточный знак удачи и плодородия был так популярен, что она включила его в проект печати Теософского общества. Исполнительное начало всего космического процесса получило имя Fohat, «универсальный посредник Детей Бога, призванный создавать и поддерживать наш мир». Обнаружениями этой силы, в соответствии с Блаватской, следует считать электричество и солнечную энергию, «объективированные мысли Бога». Эта электро-спиритуальная сила находилась, впрочем, в полном согласии со взглядами современной науки, по преимуществу виталистической.

Второй том («Антропогенез») пытается связать человека с грандиозной картиной космоса. Но только представление о человеке уходит здесь далеко за пределы античности, гораздо дальше, чем привыкла к этому наука; Блаватская пытается внедрить человека непосредственно в схему космического, физического и духовного развития. Ее теории здесь частично имеют отношение к палеонтологии конца XIX в., приспособленной одновременно к расовой теории эволюции. Она сопровождает свою циклическую концепцию утверждением о том, что каждому кругу сопутствует падение и возвышение семи последовательных корневых рас, в первом — четвертом круге они испытывают упадок духовного развития, все более отдаваясь во власть материального мира (явное заимствование гностического представления об отпадении от Света во Тьму), в пятом — седьмом кругах высшие корневые расы поднимаются к свету.

В соответствии с Блаватской настоящая человечность может быть создана только пятой корневой расой на планете, которая прошла через четвертый космический круг, так что биологические виды на ней стоят перед возможностью духовного развития. Пятой корневой расой была названа арийская, ей предшествовала раса жителей Атлантиды, ушедшей под воду при затоплении Атлантического континента. Атланты были наделены неизвестными нам психическими силами, их гигантизм позволял им создавать циклопические строения, они владели развитыми технологиями, поскольку могли успешно использовать Fohat. Три ранние расы настоящего планетного цикла были протогуманоидами. Первая, астральная раса, возникла в невидимой и вечной священной земле; вторая, гиперборейцы, жила на исчезнувшем полярном континенте. Третья, лемурианцы, процветала на острове, затерянном в Индийском океане. Этой расе соответствовал самый низкий духовный уровень в эволюционном расовом цикле. Блаватская обвиняла лемурианцев в смешанных браках, размножении уродов и в других формах падения.

Другим важным теософическим убеждением была вера в реинкарнацию (перевоплощение) и карму, также заимствованная из индуизма. Человеческий индивид рассматривался как незначительная часть божественного существа. Идея реинкарнации обязывала всякого пуститься в космическое путешествие по кругам и корневым расам, которое привело бы его к окончательному воссоединению с Богом, от которого он был оторван. Этот путь бесчисленных возродений пишет историю постепенного искупления: за первоначальной никчемностью лежит путь восхождения к точке, где индивид и Бог совпадают. Процесс реинкарнации исполняется в соответствии с принципами кармы: кто совершал добрые поступки — перевоплощается удачно, кто был зол — перевоплощается в еще более низкие формы. Эта вера не только предполагала скитание каждого по фантастическим мирам бесконечно далекой истории,

но также заставляла задуматься о спасении, грядущем воплощении в высших расах, которые будут представлять наиболее высокие ступени духовной эволюции: мы, люди, в будущем должны занять наше место в небесах как Боги планет. Регенты галактик, властители Огненного Тумана (Fohat). Этот хилястический образ дополняла психологическая потребность принадлежать необозримому космическому порядку.

Помимо расовых акцентов теософия также подчеркивала принципы элитаризма и иерархии. Блаватская утверждала, что сама она получила рукоположение от двух просветленных махатм, или мастеров, по имени Мория и Куут Хууми, живших где-то в удаленном тайном монастыре в Индии. Адепты эти сами не были богами, скорее продвинутыми членами нашей эволюционной группы, которые решили передать свою мудрость остальному арийскому человечеству через избранную ими представительницу, мадам Блаватскую. Подобно ее учителям, она претендовала на безусловный авторитет, поскольку он основан на ее месте в оккультной иерархии. В своих рассуждениях предыстории она также часто ссыалась на выдающуюся роль элитарных священников корневых рас прошлого. Так, когда лемурианцы погрязли во зле и пороке, только иерархия избранных осталась чиста духом. Эти немногие составили лемуру-атлантическую династию королей-священников, обитающую в легендарной стране Шамбала в пустыне Гоби. Они были связаны и с учителями Блаватской, которые должны были послужить наставниками пятой арийской корневой расы.

Несмотря на запутанную аргументацию и частые противоречия, возникающие по причине множества псевдонаучных ссылок, содержание «Тайной доктрины» все же можно сформулировать в трех основных принципах. Первым таким принципом является признание существования Бога, который вездесущ, вечен, безграничен и неизменен. Действующим началом Бога, его инструментом является Fohat,

полуэлектрическая-полудуховная сила, которая проводит божественный план в космосе, воплощающийся в законах природы. Вторым принципом служит правило периодичности, всякое творение немедленно включается в череду бесчисленных распадов и возрождений. Эти круги всегда заканчиваются духовным приближением к первоначальной точке. В-третьих, всегда существует фундаментальное единство между индивидуальными душами и божеством, между микро- и макрокосмом. Но едва ли эта простая теология обеспечила теософии такое количество сторонников. Только смутное обещание оккультного посвящения, просвечивающее через бесчисленные заимствования из древних верований, цитаты из утраченных апокрифов, традиционных гностических и герметических источников могут объяснить успех ее доктрины и количество ее сторонников среди образованных классов в нескольких странах.

Но с чем связан такой энтузиазм по отношению к идеям Блаватской среди американцев и европейцев, начиная с 1880-х гг.? Теософия предложила привлекательную смесь из древних религиозных идей и новых научных концепций, синкретическую веру для тех, чьи привычные взгляды были опрокинуты дискредитацией ортодоксальной религии, прогрессом науки, разрывами в социальной и экономической жизни конца XIX столетия. Джордж Л. Мосс писал, что теософия является типичным выражением антипозитивизма, наводнившего Европу в конце века, и отмечал то обстоятельство, что ее понятия из всех европейских стран наибольшее впечатление производят на немцев.

Да, несмотря на немислимое смешение египетской веры в перевоплощения, американского спиритизма и индийских верований, теософия действительно была крайне популярна в Австрии и Германии. Ее появление лучше всего может быть понято в контексте неоромантического движения протеста в кайзеровской Германии, известного под названием *Lebensreform* (реформы жизни). Это движение, опиравшееся по преимуществу на средние

классы, представляло собой попытку сгладить противоречия современной жизни, вызванные ростом промышленности и городов. Множество альтернативных форм жизни (включая естественную медицину и траволечение, вегетарианство, нудизм, автономные сельские коммуны) исповедовали небольшие группы людей, надеявшихся вернуться к природной жизни. Политическая атмосфера движения была отчетливо либеральной, затрагивала левое крыло с его заинтересованностью в земельной реформе, но вместе с тем пересекалась и с народническим движением. Марксистские критики оценивали его как наиболее последовательную форму буржуазного уклонения от последствий капитализма. Теософия вполне соответствовала настроениям *Lebensreform*, обеспечивая их при этом и какими-то философскими принципами.

В июле 1884 г. возникло первое «Немецкое Теософское общество» под председательством Вильгельма Гюббе-Шлейдена (1846–1916) в Эльберфельде, где находились Блаватская и ее основной сотрудник Генри Олькотт, с ними были их теософские друзья Гебхарды. В это время Гюббе-Шлейден служил старшим чиновником в Колониальной конторе в Гамбурге. Он много путешествовал, некогда управлял имением в Западной Африке, был выдающейся фигурой в политическом лобби в пользу распространения Немецкой империи за океан. Олькотт и Гюббе-Шлейден ездили в Мюнхен и Дрезден, устанавливали там контакты с отдельными теософами и таким образом заложили фундамент немецкой организации. Полагают, что поспешность в создании немецкого движения вызвана потребностью Блаватской в новом центре после скандала, разыгравшегося в Мадрасе в начале 1884 г. Теософам предъявили тогда обвинение в шарлатанстве. Методы, применяемые Блаватской при работе с оккультными феноменами, сообщения, которые она передавала от своих учителей, вызвали подозрение в ее окружении, что привело в результате к расследованию и крайне неблагоприятному отчету о ее деятельно-

сти, составленному лондонским Обществом психических исследований. К несчастью для Гюббе-Шлейдена, его председательство прервалось в связи с распадом немецкой организации; скандал же приобрел еще более публичный характер в связи с исходом теософов из Индии в апреле 1885 г. С этих пор Блаватская жила в Лондоне и находила новых страждущих среди правящих классов викторианской Англии.

В 1886 г. Гюббе-Шлейден более серьезно занялся оккультизмом в Германии, он приступил к публикации ежемесячного журнала «Сфинкс», в котором спиритизм и паранормальные явления обсуждались с научной точки зрения. Его основными участниками были выдающиеся психологи, философы и историки. Здесь Макс Дессуар излагал гипнотизм. Эдуард фон Гартман развивал философию индивидуализма, в соответствии с которой «Я» преодолевает смерть как неполноценную сущность, отталкиваясь от Канта, христианской теологии и спиритуалистических спекуляций. Здесь работали Карл дю Прель, исследователь психики, и его коллега Лазарь фон Гелленбах, проводившие в Вене сеансы с известным американским медиумом Генри Слэйдом, оба писали эссе примерно в одном духе. Другим значительным членом кружка «Сфинкс» был Карл Кизеветтер, чьи исследования истории постренессансной эзотерической традиции очень многое смогли сообщить широкой аудитории об ученых магах, первых алхимиках Нового времени, о современном оккультизме. Еще не вполне теософический, сборник Гюббе-Шлейдена был мощным элементом оккультного возрождения в Германии, пока в 1895 г. его публикация не прекратилась.

Кроме научной струи оккультизма, в 1890-х гг. возникло более широкое немецкое теософское движение, на этот раз оно было связано с популяризаторскими усилиями Франца Гартмана (1838–1912). Гартман родился в Дойнауверте и воспитывался в Кэмптене, где его отец состоял на службе королевским доктором. По завершении военной

службы в Баварском артиллерийском полку (1859) приступил к изучению медицины в Мюнхенском университете. Во время каникул во Франции, в 1865 г., поступил корабельным доктором на судно, идущее в Соединенные Штаты, где и провел последующие 18 лет своей жизни. Закончив обучение в Сент-Луисе, открыл глазную клинику и практиковал до 1870 г. Затем путешествовал вокруг Мексики, ненадолго обосновался в Новом Орлеане, в 1873 г. уехал в Техас, в 1878 г. переехал в Джорджтаун, штат Колорадо, где в 1882 г. работал коронером. Помимо медицинской практики горячо интересовался добычей золота и серебра. В начале 1870-х гг. увлекся американским спиритизмом, посещал сеансы таких лидеров движения, как мистрис Раис Холме и Кэйт Вентворт, в это же время был поглощен чтением Юдж Эдмоне и Эндрю Джексона Дэвиса. Впрочем, следующее его открытие, «Разоблаченная Изида», ставит на место спиритизма теософию. Он решает посетить теософов в Мадрасе, отправляется туда из Калифорнии, по дороге заехав в Японию и Юго-Восточную Азию (конец 1883 г.). Когда в 1884 г. Блаватская и Олькотт отправляются с визитом в Европу, Гартмана назначают действующим президентом Общества на время их отсутствия. Он остается в штаб-квартире теософов до момента, когда последние в апреле 1885 г. окончательно покидают Индию.

Работы Гартмана первоначально посвящены розенкрейцерам, Парацельсу, Якобу Беме и другим аспектам западной эзотерической традиции; они публикуются в Америке и Англии между 1884 и 1891 гг. Но побывав однажды директором санатория *Lebensreform* в Галлейне, недалеко от Страсбурга, после возвращения в Европу в 1885 г. Гартман начинает распространять новую мудрость Востока среди своих сограждан. В 1889 г. он организует, вместе с Альфредо Пиода и графиней Констанцией Вахтмейстер, близкой подругой Блаватской, теософский светский монастырь в Асконе — место, заметим, многих анархических экспериментов. С 1892 г. печатает переводы индийских священных

текстов и переводы Блаватской в своем журнале «Цветы лотоса» (1892–1900). Это первое немецкое издание, титул которого украшен теософической свастикой. Во второй половине десятилетия теософская издательская деятельность в Германии впервые достигает первого пика. Вильгельм Фридрих из Лейпцига, издатель гартмановского журнала, выпускает двенадцатитомную книжную серию «Библиотека эзотерических трудов» (1898–1900), в то время как Гуго Геринг, теософ из Веймара, издает тридцатитомную серию «Теософские труды» (1894–1896). Обе серии состоят из немецких переводов последователей Блаватской в Англии, Анни Безант, Чарльза Лидбитера, также там можно найти оригинальные исследования Гартмана и Гюббе-Шлейдена. Основное содержание этих маленьких книжек – глубоко-мысленная космология, карма, спиритизм, повествование о деятельности тайных махатм. Помимо этой продукции должны быть упомянуты гартмановские переводы Бхагавад-гиты, Дао дэ цзин и Таттва-Бодха, наряду с его собственными монографиями о буддизме, христианском мистицизме и Парацельсе.

Пример Гартмана ускорил рождение другого важного журнала. В 1896 г. Пауль Цильман приступил к изданию ежемесячного журнала «Метафизический обзор», который включал в себя не только разнообразные аспекты эзотерической традиции, но и новые парапсихологические исследования; в этом он шел по следам «Сфинкса». Цильман, живший в Гросс-Лихерфельде, близ Берлина, был членом исполнительного комитета нового Немецкого Теософского общества, основанного в августе 1896 г. в Берлине под председательством Гартмана. Это было в тот момент, когда американские теософы Кэтрин Тингли, Е.Т. Харгроув и Вригг путешествовали по Европе в поисках поддержки своего движения. Собственные исследования Цильмана и статьи в его журнале выдавали известную эклектичность: там шла речь о йоге, френологии, астрологии, животном магнетизме и гипнотизме; здесь же можно было найти ре-

принты средневековых немецких мистиков, алхимические трактаты конца XVIII в. и работы современного французского оккультиста Жерара Энкосса (Папюс). Гартман постоянно снабжал его беллетризованной историей о своем открытии тайного монастыря розенкрейцеров в Баварских Альпах, ее с нетерпением ждали читатели, задетые романтической идеей суровых адептов в центре современной Европы. Цильман в свою очередь был так воодушевлен «Eckhartshausen» (начало XIX в.) и идеями школы иллюминатов, что в начале 1897 г. сам основал оккультную ложу. Лесная Ложа была организована тремя квазимасонскими ступенями посвящения. В окружении Цильмана там работали Фердинанд Маак, изучавший только что открытые рентгеновские лучи в контексте собственной «динамо-софической» науки и издававший классические тексты розенкрейцеров, астролог Альберт Книпф, индийские теософисты и авторы американского движения христианской науки и новой мысли. В качестве издателя Пауль Цильман был важным звеном между немецкими оккультными группами и ариософами Вены, чьи работы он издавал под своей обложкой между 1906 и 1908 гг.

Немецкое теософское общество было учреждено в августе 1896 г. как национальная ветвь Интернационального теософского Братства, основанного американскими теософами круга Виллиан Юдж и Кэтрин Тингли. Но теософия осталась ограниченным феноменом в Германии, представленным маленькими и часто враждующими местными группами. В конце 1900 г. издатель *Neue Metaphysische Rundschau* получил ежегодные отчеты от обществ Берлина, Дрездена, Граца, Эссена, Лейпцига, что дало ему повод сожалеть о явном недостатке взаимного дружелюбия в движении. Впрочем, в 1902 г. наметилось тяготение к двум основным центрам, Берлину и Лейпцигу, их поддерживало более десяти теософских обществ и около тридцати маленьких кружков по всей Германии и Австрии. Пауль Раатц, издатель журнала «Теософская жизнь», открыл

теософский центр в столице, тогда как в Лейпциге в это время существовал другой центр, связанный с именами Артура Вебера, Германа Рудольфа, Эдвина Беме. Вебер издавал свой журнал «Теософский указатель», а из только что организованной Теософской центральной книжной лавки получал «Оккультные лекции», в которых авторами многих статей были Рудольф и Беме.

Поскольку вся эта деятельность контролировалась по преимуществу Францем Гартманом и Паулем Цильманом, нужно упомянуть о другой теософской тенденции в Германии. В 1902 г. Рудольф Штайнер, молодой ученый, прежде обучавшийся в Вене, а затем приехавший в Веймар для работы над научным наследием Гете, стал генеральным секретарем Немецкого Теософского общества в Берлине, основанного лондонскими теософами. С 1903 по 1908 г. Штайнер издавал в Берлине журнал «Люцифер». Но его мистические христианские интересы отдалили его от прочих теософов индуистской ориентации, сторонников Анни Безант, в результате он окончательно порвал с ними и учредил собственное Антропософское общество в 1912 г. Может быть, желание противостоять влиянию Штайнера побудило Гартмана содействовать изданию новых журналов. В 1906 г., руководимый юным протеже Гартмана, Гуго Вольраттом, возникает Теософский дом печати — Лейпциг. Под этим флагом на арену выходят сразу несколько оккультных журналов: «Странник» (1906—1908) издается Артуром Вебером; «Прана» (1909—1919) издается сначала Карлом Врандлер-Прахтом, а затем Йоханнесом Бальзли, секретарем Лейпцигского Теософского общества; «Теософия» (1910) издается Гуго Вольраттом. Астрологические журналы и книжные серии, Астрологический обзор и Астрологическая библиотека начинают выходить здесь с 1910 г. Прежний журнал Гартмана вновь оживает в 1908 г. под названием «Новые цветы лотоса» в издательстве «Джэгтер», которое одновременно приступает к изданию «Книги Озириса» — серии, знакомившей немецкую публику с новыми оккультистами.

Тем временем на арену выходят другие издатели. Карл Ром, посетивший английских теософистов в Лондоне в конце 1890-х гг., открывает фирму в Вюртемберге. Его публикации включают репринтные издания Беме, Гамана, Юнга-Стиллинга, Альфреда Мартина Оппеля (А. М. О.) и романы сэра Эдварда Бульвер-Литтона, труды современных оккультистов. Издательский дом Йоханнеса Баума «Новая мысль» основан в 1912 г., в 1919 г. переезжает в Пфуллинген. Занятая первоначально переводом американского материала, эта фирма сыграет важную роль, издавая немецкую эзотерику в 20-е гг.

С теософами Лейпцига спорит фирма Макса Альтмана, он начинает свою деятельность в 1905 г. В июне 1907 г. Альтман начинает выпускать популярный *Zentralblatt für Okkultismus*, редактируемый д. Georgeewitz-Weitzer, известным своими работами о современных розенкрейцерах, алхимии и оккультной медицине, которые он подписывает псевдонимом G. W. Sura. Лейпцигский книготорговец Генрих Транкер издает оккультную серию в 1910–1912 гг., в которую включены работы Карла Гельмута и Карла Хейзе. С 1913 г. Антониус ван дер Линден начинает претенциозную серию «Тайные науки» (1913–1920), состоящую из репринтов эзотерических текстов ренессансного ученого Агриппы, розенкрейцеров, алхимиков XVIII в. совместно с комментариями и оригинальными текстами современных оккультистов. Этот краткий обзор позволяет заключить, что оккультное издательское дело в Германии между 1906 и 1912 гг. достигло в своей активности второго пика.

Но если немецкий оккультизм неплохо развивался перед Первой мировой войной, то и Вене было о чем вспомнить. История оккультной традиции здесь тесно связана с именем Фридриха Экштейна (1861–1939). Личный секретарь композитора Антона Брукнера, этот блестящий знаток всех наук имел обширные знакомства среди ведущих мыслителей, писателей и музыкантов Вены. Его склонность к оккультизму впервые обнаружилась, когда, будучи чле-

ном группы *Lebensreform*, он практиковал вегетарианство и дискутировал о доктринах Пифагора и неоплатоников в конце 1870-х гг. Затем его интересы распространились на немецкую и испанскую мистику, легенды, окружающие тамплиеров, франкмасонов, на вагнерианскую мифологию и восточные религии. В 1880 г. он подружился с венским математиком Оскаром Симони, который, в свою очередь, находился под впечатлением метафизических теорий профессора Фридриха Цольнера из Лейпцига. Цольнер выдвигал гипотезу о том, что спиритические феномены подтверждают существование четвертого измерения. Экштейн и Симони были также связаны с австрийским психиатром Лазарем фон Гелленоахом, который проводил научные эксперименты с медиумами в состоянии транса и печатался в «Сфинксе». После весьма теплой встречи с Блаватской в 1886 г. Экштейн собрал кружок теософов в Вене. В конце 1880-х гг. Франц Гартман и молодой Рудольф Штайнер были частыми посетителями (*rabitues*) этого кружка. Экштейн был также знаком с мистическим кружком, существовавшим вокруг неграмотного христианского пиетиста Алоиса Меландера (1844–1905), который был знаменитостью для многих теософистов сначала в Кэмптене, а потом в Дармштадте, включая Гартмана и Гюббе-Шлейдена. Экштейн состоял в переписке с Густавом Майринком, основателем теософской ложи «Голубая звезда» в Праге 1901 г. и перед Первой мировой войной приобретшим славу оккультного романиста. В 1887 г. в Вене возникло Теософское общество, президентом его был Экштейн, секретарем — граф Karl Zuleiningen-Billingheim.

На рубеже веков в Вене возникали все новые оккультные кружки. Существовала Ассоциация оккультизма, устроившая библиотеку с выдачей книг на дом, ее члены всегда могли справиться о чем-либо в работах Цольнера, Гелленбаха и дю Преля. Ассоциации был близок Филипп Машлюфски, который с 1903 г. начал издавать эзотерический журнал «Гнозис». Газета, систематически получае-

мая берлинскими теософистами, печатала из «Люцифера» Рудольфа Штайнера. В декабре 1907 г. возникла аналогичная оккультная организация «Клуб чтения "Сфинкс"», ее создал Франц Герндль, автор двух оккультных романов и один из основных членов Общества Листа. Астрология и другие оккультные науки также были представлены в австрийской столице. После возвращения из Соединенных Штатов в родной город Карл Брандлер-Прахт организовал Первое венское астрологическое общество (1907). Судя по юности Гитлера, с описанием которой нас знакомит Йозеф Грайнер, перед войной в столице различные митинги и лекции, посвященные астрологии, гипнотизму и различным формам предсказания будущего, были общим местом. Опираясь на эту среду, можно лучше понять причины и почву движений, сложившихся вокруг Гвидо фон Листа и Ланца фон Либенфельса, чье расистское творчество после 1906 г. столь многим обязано современному оккультному возрождению в Центральной Европе.

Хотя современный оккультизм был представлен очень разными формами, у него была одна задача. За системами астрологии, френологии и хиромантии в той же мере, как и за доктринами теософии, за квазинаучными концепциями «динамософии», животного магнетизма и гипнотизма, за архаическими текстами розенкрейцеров, каббалистов и алхимиков стояло отчетливое желание примирить результаты современных естественных наук с религиозным взглядом на мир, что могло бы вернуть человеку его достоинство и центральное место в универсуме. Оккультные науки имели целью подчеркнуть интимную и глубоко осмысленную связь человека с космосом в терминах обнаруженных соответствий между макро- и микрокосмом, нанести удар материалистической науке с ее пафосом измеримых и восприимчивых феноменов и пренебрежением к невидимым качествам духа и эмоций. Эти новые «метафизические» науки давали людям целостный взгляд на себя и мир, в котором они жили. Он наделял их одновременно чувством

участия в полноте осмысленного мироустройства и через предсказания, вручал средства устроения собственных дел в соответствии с этим порядком.

Привлекательность такого взгляда на мир уже отмечалась в начале главы. Впервые расцвет оккультизма совпал с распадом Римской империи, затем обнаружил себя на исходе Средних веков. Теперь его голос слышали те, кто нашел мир не в порядке, для кого социальные и идеологические перемены конца XIX в. оказались разрушительными. Те, кого чувства и образование делали восприимчивыми к идеалистической и романтической перспективе, приняли участие в оккультном возрождении, чтобы найти смысл миропорядка, исчезнувший с распадом прежних убеждений.

Поскольку ариософия родилась в Вене в ответ на проблемы немецкой национальности и столичной жизни, ее можно рассматривать как особую разновидность теософии, приспособленную ариософами к народническим (*volkisch*) идеям. Теософский кружок действовал в городе примерно в 1887 г., но его участники были более склонны к традиции религиозного самосозерцания и сосредоточения на внутреннем мире, под руководством Мари Ланж. Рудольф Штайнер был членом этого кружка, и круг его интересов указывает на то, как мало симпатии существовало между «подлинной» буддистской теософией Франца Гартмана, который также бывал здесь, и рефлексивными наклонностями остальных членов кружка. В 1890-х гг. венская теософия отражает влечение образованных классов к благочестию, субъективизму и культу переживаний — настроение, соответствующее современной моде на *feuilleton* и импрессионизму в искусстве. Шорске пытался связать этот культ внутреннего благочестия с социальным положением венской буржуазии конца века. Он полагал, что посредством возведения храма искусства этот класс намеревался слиться с аристократией, но в результате нашел в нем убежище и от крушения либерализма, и от варварских массовых движе-

ний. Возникновение венской теософии в этом контексте выглядит вполне убедительно.

Когда теософские труды стали более широко публиковаться благодаря немецким издательствам на рубеже веков, их идеи стали достоянием публики. К этому времени теософия уже представляла собой детально разработанный корпус учений, изложенный в новом переводе основного труда Блаватской («Тайная доктрина», 1897—1901) и бесчисленных переложениях и комментариях, выполненных Францем Гартманом, Германом Рудольфом, Эдвином Беме и другими. Но если ранние формы теософского движения в Австрии ограничивались в основном мистическим христианством и личным гностицизмом сосредоточенных на себе индивидов, то поздние его проявления связаны с разочарованием в католицизме и распространением мифологии, фольклора и альтернативных религий. Толчок пришел из Германии, ведь и Лист, и Ланц вынесли свои знания о теософии из немецких источников. Лист многим был обязан берлинскому теософу Максу Фердинанду Зебальдту фон Верту и его соратникам: Францу Гартману, Гуго Герингу, Раулю Цильману. Цильман был первым, кто опубликовал статьи Листа и Ланца на эзотерические темы. Венская теософия после 1890 г. выглядела околоринтеллектуальной сектантской религиозной доктриной, вывезенной из Германии, она была популярна среди людей, разочаровавшихся в религиозной ортодоксии, но все еще ищущих себя в горизонтах веры.

Теософия привлекала Листа, Ланца и его сторонников своей одинаковой терпимостью к экзотическим религиям, мифологии и эзотерическим знаниям, что открывало универсальную и вместе с тем нехристианскую перспективу для понимания природы, происхождения человека; сюда можно было поместить источники тевтонских верований и обрядов, что вполне отвечало спекулятивным построениям (*volkisch*) народнического движения. В условиях антипатии к католицизму среди народных националистов

и пангерманистов в Австрии теософия предлагала себя как схему религиозных убеждений, исключавших христианство в пользу смеси мифических традиций и псевдонаучных гипотез, согласных с данными современной антропологии, этимологии и истории древних культур. В дальнейшем сама структура теософской мысли была легко усвоена народническим движением. Подспудный элитаризм махатм с их сверхчеловеческой мудростью вполне отвечал жажде жесткого иерархического порядка, опирающегося на расовую мистику народа (Volk). Понятие оккультного знания в теософии, осложненного наслоениями других религий, принадлежащего немногим избранным, также соответствовало попытке приписать народническому национализму длинную родословную, он особенно нуждался в этом в связи со своим в действительности недавним происхождением. В контексте роста немецкого национализма в Австрии с 1866 г. мы можем наблюдать, как теософия, едва связанная с народнической мыслью понятиями расы и расового развития, осложнила религиозной мистикой и универсальными обоснованиями политические взгляды незначительного меньшинства.

Часть вторая
АРИОСОФЫ ВЕНЫ

Глава 3

ГВИДО ФОН ЛИСТ

Гвидо фон Лист был первым популярным автором, соединившим народническую (volkisch) идеологию с оккультизмом и теософией. Он также оказался выдающейся фигурой среди volkisch публицистов в Германии перед 1914 г. Урожденный житель Вены, столицы габсбургской Австрии, которая на рубеже веков оказалась в стороне от магистралей немецкого национального развития, принадлежавший к более старшему поколению, чем большинство его предвоенных идеологических сотоварищей, Лист стал заметной фигурой на восточной окраине немецкого мира. Его читатели и последователи относились к нему как к умудренному патриарху, мистическому гуру националистов, чьей проницательностью славное арийское и немецкое прошлое Австрии избавлено от влияния иностранных культур и христианства. В своих книгах и лекциях Лист предлагал истинным германцам отыскивать в ландшафтах Родины, ее фольклоре и археологии сохранившиеся следы великолепного теократического арийско-германского государства, возглавляемого королями-священниками и посвященными гностиками. Он занимался каббалистикой и астрологией и претендовал на звание последнего из арманистских магов, тех, что имели власть в старом арийском мире. Гвидо Карл Антон Лист родился в Вене 5 октября 1848 г., став старшим сыном в семье преуспевающего торговца из средних классов. Его мать и отец принадлежали к торговым семьям, жившим в столице по меньшей

мере на протяжении двух поколений. Мария Лист, мать Гвидо, была дочерью торговца недвижимостью Франца Антона Киллиана, который в антироялистскую революцию 1848 г. командовал первой Венской гражданской обороной. Его отец, Карл Антон Лист, занимался кожей, продавал седельное снаряжение и другие готовые товары, тогда как дедушка, Карл Лист, был трактирщиком и виноторговцем. Прадедушка тоже содержал гостиницу.

Гвидо Лист воспитывался в районе города, располагавшемся на восточной стороне старого канала Danube, в центре. Биографы утверждают, что у Листа было счастливое детство и надежный дом. В 1851 г. Антон фон Антейтор написал его портрет акварелью, что свидетельствует о богатстве семьи и о разделяемых ею буржуазных привычках Вены.

Молодой Лист имел очень хорошие отношения с родителями. Листы любили водить своих детей на прогулки по окрестностям столицы, и эти экскурсии пробудили страсть Листа к природе и сельскому пейзажу. В нем обнаружились и артистические наклонности, свои чувства он всякий раз пытался выразить пером и красками. Поощряя его усилия, отец давал ему уроки живописи и рисунка. Сохранились заметки Листа, датированные 1863 г., и рисунки замков, пейзажи Нижней Австрии и Моравии.

Семья Листа, подобно многим австрийским семьям, была католической, и Лист в должное время принял крещение в храме Святого Петра в Вене. Но в 1862 г. произошел случай, выдавший его недостаточную увлеченность ортодоксальной религией. Его отец с друзьями, собираясь посетить катакомбы под собором Св. Стефана, решили взять Листа с собой. Темнота и низкие своды произвели на мальчика сильное впечатление. Позже он рассказывал, что, преклонив колена перед разрушенным алтарем в подземной часовне, он поклялся создать храм Вотану, когда вырастет. Очевидно, он видел в лабиринте под собором дохристианскую усыпальницу, посвященную языческому

божеству. Впоследствии Лист утверждал, что его обращение следует датировать этим юношеским откровением.

Лист хотел стать художником и ученым; ученость означала для него романтический образ историка, который может читать прошлое по фольклору и пейзажам. Это желание привело к конфликту с отцом, поскольку тот намеревался использовать старшего сына и наследника в семейном бизнесе. Лист подчинился отцовским ожиданиям и занялся коммерческим образованием, но это подчинение не было полным. С этого момента он делил свое время между требованиями коммерции и частной жизнью в мире искусства, воображения и почитания природы. В рабочие часы он помогал отцу, но все свободное время посвящал пешим прогулкам и верховой езде по окрестностям во всякую погоду, делал зарисовки, записывал впечатления. Деревенские прогулки обострили интерес Листа к альпинизму и гребному спорту. Хорошо владея тем и другим видами спорта, он стал основным персонажем Венского гребного клуба и секретарем Австрийской альпийской ассоциации в 1871 г. Знаменательно, что его первая публикация появилась в ежегоднике Альпийской ассоциации. В спорте навсегда соединились для него деятельное братство с величественными стихиями гор и рек.

Любовь Листа к природе вместе с тем была одушевлена стремлением к одиночеству и желанием уйти от суеты дневного мира. Он бывал счастлив, если ему удавалось совершать свои прогулки в одиночестве. Он не чуждался общества друзей, но часто все же воспринимал их как помеху радостям внутренней жизни. Сохранившиеся описания коллективных путешествий рассказывают о его причудах и приватных приключениях. Такие приключения всегда сопровождал ритуал, что превращало его внутренний мир во что-то исключительное и создало ему репутацию одинокого волка и мистика. Примером таких ритуалов могут служить встречи летнего солнцестояния. После долгого перехода через Мансфельд Лист и его друзья добираются до гостиницы. Разыгравшийся шторм принуждает группу заночевать там.

Лист же покидает товарищей, чтобы ознаменовать солнцестояние (приветствовать солнце) одинокой ночевкой на вершине Гейзельберга. В другой раз, 24 июня 1875 г., он убеждает четырех друзей отложить послеполуденные дела и сесть за весла. По каналу Danube они достигают развалин римского города Карнунтум, где располагаются лагерем и пируют всю ночь. Для его друзей это был просто удачный вечер; для Листа, погруженного в мечты, это была 1500-я годовщина победы германцев над римлянами, которую он праздновал огнем и захоронением восьми винных бутылок в форме свастики под аркой Языческих ворот.

В последние годы Лист открыто объяснял свое влечение к природе неприязнью к современному миру улиц, магазинов и заводов. Ему не нравилась новая Вена: когда бы ни бросал он город ради деревни, он чувствовал, что убегает от «мутного савана метрополии» и «отвратительных сцен дикой погони за прибылью». Современная экономика, по мнению Листа, словечками о поиске индивидом самого себя сбила человечество с пути. «Нужно бежать из тех мест, где пульсирует жизнь, искать уединенные островки, которых не коснулась человеческая рука, чтобы поднять магический покров природы». Его уход в мягкий и покойный мир природы был бегством от современности, но вместе с тем и от отеческого насилия, принуждавшего его к коммерческой карьере.

Пока отец продолжал руководить делом, Лист мог свободно изощрять свой вкус одиночеством, долгими прогулками и спортом. Но после смерти Карла Антона в 1871 г. Листу пришлось самому зарабатывать на жизнь. Совершенно не приспособленный к коммерции, он скоро устал от бизнеса и женился на своей первой жене, Елене Форстер-Петерс, 26 сентября 1878 г. Следующее десятилетие он вспоминал как время тяжелых испытаний, молодая пара вела весьма скромное существование на небольшие собственные средства и скудные доходы от журналистской деятельности Листа.

Теперь, когда его карьера завершилась, Лист все время мог отдавать литературе и истории. С 1877 по 1887 г. он опубликовал множество статей об австрийской деревне и привычках ее обитателей в газетах «Heimat», «Deutsche Zeitung», «Neue Welt», хорошо известных своими националистическими чувствами. Его описания местности сопровождались языческими интерпретациями местных названий, обычаев и народных легенд. Одно из первых типичных идилических описаний группы средневековых замков близ Мелка было опубликовано в «Neue Deutsche Alpenzeitung» в 1877 г. Поскольку Австрийская альпийская ассоциация приобрела транснациональный статус в 1874 г. и для нее не существовали немецко-австрийские границы 1867 и 1871 гг., Лист находился в контакте и с немецкими, и с австрийскими членами Ассоциации националистической и пангерманистской ориентации. Теперь Лист все время говорил о родном пейзаже. Альпы и Danube (Дунай) почитались им за национальную идентичность: реки, поля и горы имели лицо, здесь жили духи тевтонских мифов и фольклора. Эти первые статьи отличались от юношеских набросков своим отчетливо volkisch и националистическим духом.

Все эти годы Лист работал над первым большим романом «Карнунтум» (издан в двух томах в 1888 г.), воодушевленным памятной летней вечеринкой, посвященной солнцестоянию 1875 г. В 1881 г. он опубликовал короткие фрагменты тех переживаний. Очарованный гением места, Лист всматривался в далекое прошлое Карнунтума. Улицы и великолепные здания разрушенных городов вставали вокруг него, призрачные фигуры прежних обитателей проходили перед его мысленным взором, он видел роковое сражение германцев и римлян, приведшее к падению гарнизона в 375 г. В его глазах нападение племен Квади и Маркоманни положило начало тем германским продвижениям, которые в результате привели к разграблению Рима в 410 г. и падению империи. Для Листа само слово «Карнунтум» несло волнующую ауру старой германской доблести, сиг-